

В нашем маленьком одноэтажном доме всего три квартиры: угловые занимаем я и Нина со своими семьями, а в средней, однокомнатной, проживает баба Маша. У нас общий дворик, где под раскидистым вязом большой стол со скамейками — любимое место совместного отдыха после домашних дел.

Мы, две домохозяйки и пенсионерка, по-соседски дружны, хорошо понимаем друг друга, и часто наши мнения по многим житейским вопросам совпадают. Но однажды я с Ниной поспорила.

Дело было так. Сидим мы в тени вяза, отдыхаем, языки чешем. Вот Нина кричит своим сыновьям:

— Хватит гулять! Саша, сходи за Тёмочкой, он на улицу ушел, и позови домой.

Послушный десятилетний Саша пошел искать брата. Довольно быстро они появились во дворе и сразу же зашли в дом.

В общении Нины с сыновьями одна вещь мне кажется странной, и я решила сказать ей об этом:

— Слушай, твоему младшему восемь лет, а ты все Тёмочка да Тёмочка! А он у тебя уже давно Артём. Не отставай от жизни — дети взрослеют быстро.

— Нет, — возразила Нина, — он для меня всегда будет Тёмочка. Всегда будет маленький.

— Так ты что, его любишь больше, чем Сашу? — продолжала я допытываться.

Нина возмутилась:

— Не выдумывай! Но ты же знаешь, что с младшими совсем по-другому, их дольше хочется нежить и лелеять.

Я не согласилась с ней:

— Ну ты даешь! Выходит, тебе Тёма милее? И что же Саша, не ревнует?

— Ревнует, конечно, еще как ревнует! — сокрушенно сказала Нина.

— Вот видишь! Значит, ты не права! У моих разница пять лет, а я никого не выделяю. Надо всех любить одинаково, как старших, так и младших. Так ведь? — обратилась я за поддержкой к молчавшей до сих пор бабе Маше.

— Так-то так, — задумчиво произнесла баба Маша, — но в жизни всякое бывает. Вот у нас в семье мама младшего любила больше, чем остальных детей.

— А вы обижались на нее? — поинтересовалась Нина.

— Нет, не обижались. Даже рады были.

Мы не ожидали такого поворота и в один голос спросили:

— Как так?

Баба Маша призадумалась, взгляд ее ушел в себя. Она уже была не с нами, а где-то там, в своем далеком далеке.

— Нас у мамы трое было, три сестренки-погодки, я старшая. Родились все перед войной. Хорошо помню, как тятю на фронт провожали. Как бежали за подводой, на которой он уезжал вместе с другими мужиками. Какой рев стоял кругом. А мы, маленькие, ничего толком тогда не понимали.

Мама наша, Степанида Леонтьевна, никогда ни на что не жаловалась, а сама все на работе да на работе. Мы дома одни, голодные и холодные. Как выживали — всего не перескажешь, без слез и не вспомнишь. Одно слово — война! То в один дом придет

похоронка, то в другой, а нас миновала. Мы твердо знали: наш тятя обязательно вернется. Этой верой и держались. Каждое письмо с фронта по несколько раз читали. Потом мама ответ писала, а мы в конце свои каракули рисовали.

И наконец — победа! Отцы домой возвращаются, и наш вот-вот должен появиться. Скорей бы!

Мама в доме побелила, все цветами убрала. Ждем-ждем своего дорогого, в окна выглядываем.

И вдруг видим: соседка спешит к нам. Залетела в дом и, запыхавшись, крикнула:

— Стеша, твой вернулся! От станции пешком идет!

А сама глаза опустила.

Мама побежала, мы за ней. И уже за поселком повстречались с тятьей. Радость была такая, что не описать! Сам он видный, вся грудь в орденах и медалях! Да только не один, с ним какая-то тенька красивая. Как оказалось, его фронтовая жена!

Тятя нас крепко обнял, поцеловал. А маме говорит:

— Прости меня, Стеша, если сможешь.

Бедная мама! Как она это пережила, не знаю. Застыла, словно окаменелая, потом крикнула:

— Лучше бы тебя убили!

Страшные слова. Я заплакала, девчонки в голос подхватили. Так вот они стоят, и у нас сил нет уйти. Не знаю даже, сколько времени так. Потом домой пришли. И сразу жизнь наша изменилась. Мама все время сумрачная, и мы тихие какие-то, как пришибленные. Не смеемся, говорим шепотом, как будто в доме покойник.

Очень обидно было, что тятя нас бросил, маму на другую променял. Он с молодой женой поселился в стареньком доме своих умерших родителей. На работу вышел, трактористом. Потом его бригадиром поставили. А жена его все время дома была: городская, ни к чему не приученная! Звали ее Лия. Вот это имя! Ни у кого из деревенских сроду такого имени не было. Ох и перемыли ей косточки бабы!

Помню, соседка как-то сказала нашей маме:

— Стеша, что ты терпишь? Да сходи ты к ним, выдери ей космы! Чтоб знала, как чужих мужиков отбивать!

Мама ей ответила так:

— Оставьте их в покое. Пусть живут.

Бедная наша мамочка! Она страдала молча, мы видели, как ей тяжело. Но никогда, ни разу не слышали, чтобы она что-то худое говорила о тяте. Ни нам, дочерям, ни бабам. А вот ходить к нему запрещала. Чтобы ни ногой! Мы боялись ее послушаться. А когда встречались с тятьей на улице, бежали навстречу. Он подхватывал нас на руки, прижимал к себе. Я своим детским умом понимала, что он тоже мучается.

И однажды все-таки сбегала к нему тайком. Тяти дома не оказалось. Лия меня встретила ласково, пряником угостила. А у самой живот большой-пребольшой. Мне ее жалко стало, сама не знаю почему.

Вскоре она родила мальчика, назвали его Слава. Вячеслав. Имя для наших мест тоже редкое.

А через год Лия умерла. Наверное, заболела. Остался наш тятя один, с маленьким ребенком. Его все жалели в деревне, поговаривали: ну, теперь вернется к Степаниде.

Он, и правда, через какое-то время пришел, с годовалым Славой на руках. Опустив мальчика на пол, упал перед мамой на колени.

— Стеша, прости, виноват!

Мама простила, все-таки любила его. Хотя все равно держалась с ним еще долго сухо и натянuto. Нелегко ей пришлось!..

Родителей своих не осуждаю и никогда не осуждала. А тогда мы были очень счастливы, что отец с нами.

Так в нашем доме появился Слава. Славик, Славочка. Мы, сестренки, нянчились с братиком, забавляли как могли. А мама... она не то что была холодна с ним, она его просто не замечала. Помню, я очень переживала из-за этого, какая-то обида накатывала.

Тятя у нас с раннего утра и до позднего вечера в поле, мама утром колхозных коров подоит и до вечерней дойки дома. Мы ей по хозяйству помогаем, с братиком по очереди водимся. И однажды не углядели, понадеялись друг на друга.

Во дворе у нас колодец вырыт был, с журавлем. Как Славик на том колодце оказался, не знаю. Сидит, крышку уже открыл. Я как раз с улицы прибежала, а мама из дома вышла.

Увидела она, что ребенок сейчас может свалиться в черную пасть колодца, побледнела как полотно и в мгновение ока оказалась рядом. Схватила Славочку, прижала к себе и давай гладить по головке. А сама плачет, уливается слезами! Никогда ее раньше такой не видела. Думаю, она все слезы, что держала в себе, тогда выплакала.

С тех пор изменилась наша мама. К тятю по-другому стала относиться, мягче, и Славочку полюбила. Заботилась о нем. Нам строго-настрого наказывала хорошо за братиком смотреть.

Со временем мы стали замечать, что к Славику мама относится не так, как к нам, строго и сдержанно, а со всей нежностью и лаской. Но мы не обижались, потому что знали: мама нас тоже любит. Для своих дочерей она готова была последнее отдать.

Помню, премировали ее за хорошую работу отрезом крепдешина. А мама мне платье из него сшила — я уже школу к тому времени заканчивала. До сих пор перед глазами это красивое платье — по зеленому полю красные маки! Любила его, берегла долго. А вот еще... Купила она себе жакетку, мелкий такой вельвет, а тятю в это время ей из города привез другую, плюшевую. Так она обе перешла сестренкам моим. А самой-то и надеть шибко нечего. Все для нас.

Тятю у нас рано умер, весь израненный был. Жалко его сильно. Мы с сестрами тогда уже в девическую пору вошли. Без тяти выучились в институтах и техникумах, замуж повыходили. Славик подрастал, к технике тянулся. Весь в отца. Потом его на службу забрали.

И надо же было такому горю случиться — погиб в армии! Это в мирное-то время! Говорят, какой-то процент у них там на учениях погибает, и это норма. Ужас!

Привезли нашего Славика в цинковом гробу. Страшно вспоминать. Мы думали, мама не выживет. Никогда она так не убивалась. Наверное, это было самое большое горе в ее жизни. Долго потом приходила в себя, все наведывалась к Славочке на могилку. Лег он рядом со своими родителями. Мама за всеми могилками ухаживала. А когда ее не стало, эту обязанность взяла на себя я.

Вот так-то, девоньки. А вы говорите, одного любить больше, другого меньше. Мы видели, что мама у нас к Славику нежнее

относится, но никакой ревности и в помине не было. Потому что ее любви на всех хватало. И это самое главное.

Баба Маша закончила. Мы с Ниной молчали, потрясенные до глубины души этой непростой историей. Наконец у меня вырвалось:

— Ваша мама — святая женщина!

А Нина, опустив голову, чертила что-то прутиком на песке, потом пробормотала:

— Да, есть о чем подумать...